

АДАПТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТОПОНИМОВ РУССКИМИ ПЕРВОПОСЕЛЕНЦАМИ В ПЕРИОД ОСВОЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

© 2007 г.

Т.В. Федотова

Забайкальский государственный гуманитарный университет им. Н.Г. Чернышевского

Fedotova66@mail.ru

Поступила в редакцию 12.11.2007

Рассматриваются основные адаптационные процессы в области топонимии, связанные с различными этническими взаимодействиями. Выявление закономерностей адаптации иноязычных имен собственных в области фонетики и словообразования позволяет сделать вывод о том, что процесс адаптации географических названий отражает языковое взаимодействие народов, населявших и населяющих Восточное Забайкалье. Рассмотрение данной проблемы необходимо в аспекте более глубокого изучения топонимической системы региона.

Присоединение Забайкалья к Российскому государству явилось логическим продолжением завоевания Сибири, начавшегося в конце XVI в. В основе длительного и сложного закрепления за Россией земель, расположенных по соседству с Китаем, лежали прежде всего государственные геополитические устремления. Завоевательная политика самодержавия в этих регионах не могла не подкрепляться стихийным хозяйственным передвижением в Даурию вольных русских переселенцев. Этот колонизационный поток, постепенно направлявшийся правительством в организованное русло, должен был восполнить нехватку природных богатств на обжитых центральных российских территориях, а также способствовать преодолению тяжелых последствий крепостничества.

В освоении Забайкалья принимали участие два потока переселенцев: легально-государственный и вольно-народный. К первой группе относились служилые люди, в основном казаки, стрельцы, торговцы, промышленники, крестьяне, провинившиеся дворяне, «дети боярские» и др. Ко второй – «охочие» и «гулящие» люди: безземельные и беглые крестьяне, преступники, направлявшиеся в Сибирь с намерением улучшить свое имущественное положение. Вплоть до второй половины XVI в. путь в Сибирь лежал через Северную Двину и Печору, поэтому и первые поселенцы Сибири, равно как и Забайкалья, в подавляющем большинстве своем прибыли с Русского Севера, главным образом из Поморья [2]. Они двигались на восток, к уже существующим крупным сибирским городам и острогам: Тобольску, Красноярску, Енисейску и др. Затем направлялись далее к Байкалу и в Даурию [3, с. 45].

Правительство царской России не представляло себе процесса присоединения и освоения

новых земель без строительства там укрепленных поселений. По мере освоения этих обширных территорий во второй половине XVII века служилые люди возводили там в зависимости от преследуемых целей и людских ресурсов наиболее простые и экономичные укрепленные пункты – ясачные зимовья или остроги, которые впоследствии стали именоваться городами [1, с. 170].

Таким образом, на территории Восточного Забайкалья в разные исторические периоды, включая период освоения территории русскими, происходила не только миграция и инфильтрация разнородных этнокультурных компонентов, взаимоассимиляция пришельцев и местного населения, но и другие этнические процессы, обусловленные как импульсами социального развития самих этносов, так и воздействиями внешних факторов, что сказалось в первую очередь на топонимии, состоящей из накладывающихся друг на друга топонимических пластов [4, с. 119].

Прежде чем говорить об ономастических явлениях, сложившихся к XVII в., необходимо отметить, что в местах, заселяемых русскими, топонимическая ситуация могла развиваться в разных направлениях. Так, М.Н. Мельхеев выделяет пять направлений в изменении топонимической ситуации: 1) полное искоренение аборигенной топонимии; 2) полное сохранение основы существовавшей топонимии и образование нового пласта на языке пришельцев; 3) приспособление иноязычных топонимов к языку пришельцев; 4) калькирование, то есть буквальный перевод смысла прежних топонимов на язык пришельцев; 5) перенесение топонимов с прежнего местожительства на новое [5, с. 16].

Развитие топонимического процесса на территории Восточного Забайкалья характеризует-

ся неравномерностью. В первом случае можно отметить нарушения естественного развития топонимического процесса, когда не образуются новые топонимы. Эта ситуация складывается вследствие того, что большая часть переселенцев подселалась в уже существующие селения, имеющие свои названия. Во втором случае наблюдается достаточно естественный топонимический процесс, когда русские переселенцы, адаптируясь к новым названиям, изменяют их или создают новые, если заселяют необжитые земли.

Можно сделать вывод, что для складывающейся топонимической системы того периода характерны три направления. Во-первых, когда осваивались необжитые земли, то вся топонимическая система создавалась русскими заново. В этом случае географические наименования были русскими как по происхождению, так и по употреблению. Во-вторых, когда русские селились вместе с коренным населением и коренное население оказывалось в большинстве; в этом случае русские воспринимали топонимическую систему местных жителей, подвергая ее определенной трансформации. В этой ситуации топонимы были нерусскими по происхождению, но стали русскими по употреблению, войдя в систему русского диалекта, при этом могли возникнуть топонимические параллели, кальки, гибридные образования. В-третьих, когда русские поселенцы, селившиеся с аборигенами, количественно преобладали, все процессы второй ситуации были усилены: русская топонимическая система складывалась посредством создания своих названий и адаптации уже существующих. Все они включались в местные диалекты языка коренного населения и русского языка [7, с. 168].

Появление русских в Сибири не вносило коренных изменений в структуру топонимии края, так как сам процесс заселения и присоединения Сибири к России был относительно мирным. Русские не вытесняли аборигенов из обжитых местностей со сложившейся топонимией, а заселяли свободные, необжитые земли, которые не имели своей собственной топонимии. Поэтому собственно русские названия носят сравнительно мелкие географические объекты, которые к моменту прихода переселенцев были безымянными или имели неустойчивые названия. Это малые реки, речки, озера, небольшие топографические объекты и т.п., тогда как более или менее крупные географические объекты имели нерусские названия. Исключения составляют поселения пашенных крестьян: основанные крестьянами деревни получали рус-

ские личноименные наименования. Таких названий особенно много в районах первоначальной земельной колонизации, т.е. там, где в XVII–XVIII вв. оседали пашенные крестьяне, осваивая хлебопашество [6, с. 23]. В Восточном Забайкалье они селились в основном по рекам Ингоде и Шилке. Сначала возникали так называемые «деревни» в один-два двора, названные по именам основателей: Бочкарево, Бронниково, Лоншаково, Лукино, Лесково и т.п., которые затем разрослись в крупные села.

Иноязычные географические названия начинают адаптироваться по законам русской фонетики и словообразования. Имя того или иного объекта воспринималось без разграничения, тюркское оно или эвенкийское, как знак, который следовало приспособить к своим привычным нормам произношения. С помощью русских топообразующих формантов проводилась морфологическая адаптация нерусских названий.

Адаптированное имя – это иноязычное имя собственное, приспособленное к «своему» языку при длительном его употреблении наряду с исконными именами. Адаптация выражается в фонетических, морфологических и лексических изменениях имени. Так как эти процессы не обязательно совмещены, следовательно, можно говорить отдельно о фонетической, морфологической, лексической адаптации [8, с. 27–28].

По мнению М.Н. Мельхеева, «русифицирование географических названий – это вполне естественный, закономерный процесс, неизбежный при том очень большом социально-экономическом языковом контакте между русскими и бурятами, достигнутом в современную эпоху» [5, с. 55].

Фонетическая адаптация бурятских топонимов в русском языке имела свои определенные закономерности, связанные с особенностями бурятского алфавита. Так, в бурятском языке три звука не имеют соответствий в русском языке и алфавите, и русское население начинает произносить бурятские названия в соответствии со своими произносительными нормами, что, безусловно, находит отражение в топонимии, закрепляясь в новом произношении среди местного населения и затем на географической карте. Достаточно подробно фонетические особенности бурятского языка описал М.Н. Мельхеев [6]:

— $\Theta\theta$ – произносится как русское O , но при более высоком подъеме языка. При транскрибировании на русский язык этот звук передается как o (Дүрөө – Дуро) ;

— Y – произносится как русское U с немного вытянутыми губами при более высоком подъеме языка. Транскрибируется как y (Үхэр – Ухыр);

— *h* – произносится приблизительно как украинское *Г*, но с меньшей звучностью. Этот звук передается на русский язык через *с* или через *х* (Hогоото – Хогото);

— долгие гласные, которые передаются посредством двух букв, при транскрибировании на русском языке обозначаются одной буквой: *aa* – *а* (Аршаан – Аршан), *oo* – *о* (Боомо-Бом), *uu* – *у* (Дубуун – Дубун), *ii* – *и* (Ылиим – Илим), *ee* – *ей* (Улез – Улей), *ya* – *я* (Уляаһата – Улясатуй) и др.;

— бурятские дифтонги оформляются в русском языке через *ай* – *ай* (Тарбагатай), *ой* – *ой* (Онохой), *эй* – *эй* (Хуртэй) и др.;

— краткий гласный *э* в первом слоге слова передается через *ы* (Хэрмэ – Кырма, Хэрэн – Кырен); *ы* – *уй* (Хунды – Кундуй); *э* – *а* (Хурбэ – Курба); *э*, *а* – *у* (Дараһан – Дарасун); *та*, *то*, *тэ* – *уй* (туй) (Дархита – Дархитуй) и др.;

— согласный *Х* в топонимах реализуется в качестве *К* (Бэрхэ – Бырка)

По мнению Л.В. Шулуновой, «в целом фонетическая адаптация бурятских топонимов в русском языке аналогична адаптации апеллятивной лексики, где освоение заимствованного слова означает подчинение его законам русской звуковой системы и орфоэпическим нормам языка» [9, с. 65].

Адаптация иноязычных географических названий под влиянием словообразовательных законов русского языка происходит несколько с иных позиций. Если фонетическая русификация подразумевает только звуковое приспособление с соблюдением орфоэпических норм безотносительно к семантике, то преобразование топонимов с помощью русских аффиксов и по словообразовательным моделям русского языка происходит с учетом семантики того или иного аффикса. Так, для образования русских топонимов на основе иноязычных (в большей степени бурятских) использовались наиболее продуктивные аффиксы, распространенные на территории России. Например, для образования небольших населенных пунктов (деревень, маленьких поселений) характерно употребление суффиксов *-К-*, *-ОВК-*, *-УШК-*, *-ИШК-* (Мухор-Шибирка, Артеушка, Ямаровка, Молоканка, Красные Борзишки), для обозначения более крупных населенных пунктов (городов, поселков городского типа, больших сел) употреблялись суффиксы *-ОВО-*, *-ЕВО-*, *-СК-*, *-ИНСК-* (Нуринск, Номоконово, Нерчинск, Олинск). Следует заметить, что среди ойконимов (названий населенных пунктов) этот процесс был не особенно активен, гораздо активнее словообра-

зовательная адаптация наблюдалась среди гидронимов (названий водных объектов). Наиболее продуктивными в русских гидрообразованиях являются суффиксы *-К-*, *-СК-*, *-ИХ-*, *-АНК-*, *-ЯНК-*, *-ИНК-*, *-УШК-*, *-ЮШК-*, *-ОВК-*. Такие суффиксы, как правило, использовались при назывании маленьких рек, ручьев, проток (Аршанка, Карымка, Уланка, Чанкинка, Марекушка, Яроктинка, Мамачиха).

Для оронимов (названий гор, хребтов, падей) характерны в основном те же суффиксы, что и для гидронимов, но в большей степени здесь распространены суффиксы *-К-*, *-СК-*, *-ИНСК-* (хребет Мензинский, гора Косурка, хребет Малханский, гора Кусотка).

Нами рассмотрены лишь два вида адаптации иноязычных топонимов: фонетическая и словообразовательная. Из их анализа следует, что процесс адаптации географических названий отражает языковое взаимодействие народов, населявших и населяющих Восточное Забайкалье. Возникшие топонимы сыграли определенную роль в становлении топонимической системы данного региона.

Список литературы

1. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 336 с.
2. Константинов М.В., Константинов А.В. Древность и средневековье // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Т. 1. / Под ред. Р.Ф. Гениатулина. Новосибирск: Наука, 2000. С. 133–147.
3. Константинов А.В., Константинова Н.Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2002. 248 с.
4. Куклин А.Н. Взаимодействие языков Урало-Поволжья в сфере топонимии // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. С. 119–121.
5. Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. Улан-Уде: Бурятское книжное изд-во, 1969. 168 с.
6. Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутская и Читинская области. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1969. 186 с.
7. Молчанова О.Т. Русские и адаптированные русским топонимы горно-алтайской автономной области // Восточно-славянская ономастика. Материалы и исследования. М.: Наука, 1979. С. 166–175.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.
9. Шулунова Л.В. Ономастика Прибайкалья. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1995. 207 с.

**ADAPTATION OF BORROWED PLACE-NAMES BY THE FIRST RUSSIAN SETTLERS
IN EAST TRANSBAIKALIA***T.V. Fedotova*

The paper deals with the problem of the basic processes of toponymic adaptation connected with different types of interethnic contacts. Revealing the patterns of borrowed place-names adaptation in respect of phonetics and word-formation leads to the conclusion that the process of such adaptation reflects the linguistic contacts between the nationalities inhabiting East Zabaikalye in the past and nowadays. This problem must be considered for the purpose of more detailed examination of the regional toponymic system.